

УДК 93
ББК 63.3(0)52

БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА БОЛГАРИИ ЗА ОТСТАИВАНИЕ ПРОВОЗГЛАШЕННОГО В 1885 ГОДУ ОБЪЕДИНЕНИЯ СТРАНЫ

М.Ю. Золотухин

Аннотация. В статье анализируются целенаправленные усилия политического руководства Болгарского княжества по отстаиванию провозглашенного в 1885 году объединения двух болгарских территорий — Болгарского княжества и Восточной Румелии. На этом пути глава болгарского правительства и лидер ведущей в стране Либеральной партии П. Каравелов проявил исключительный такт и дипломатичность, неизменно подчеркивая свое уважение к мнениям европейских кабинетов. Каравелову и его единомышленникам удалось заручиться поддержкой на международной арене дела национального единства и суверенитета страны. В международном признании объединения Болгарии основную роль сыграл сам болгарский народ, с оружием в руках защитивший свою независимость от посягательств милитаристских кругов Сербии во главе с королем Миланом Обреновичем. Независимо от времени, способов и условий, при которых было осуществлено объединение Болгарии, создано большое национальное государство со значительными ресурсами, способствовавшими ее капиталистическому развитию. Топханейский акт, подписанный представителями великих держав и Турцией, упрочил и политическую независимость Болгарии.

Ключевые слова: Объединение Болгарии, политика софийского кабинета П. Каравелова, позиция самодержавной России, международное признание объединения Болгарии, пловдивский переворот, сербо-болгарская война, Топханейский акт.

265

THE STRUGGLE OF BULGARIAS POLITICAL CIRCLES TO ASSERT
THE UNIFICATION OF 1885

M.Yu. Zolotukhin

Abstract. In this article, the author outlines the efforts of the political circles of the Principality of Bulgaria aimed at supporting the unification of two Bulgar-

ian territories — the Principality of Bulgaria and Eastern Rumelia in 1885. Due to the tact and respect demonstrated by leader of the ruling Liberal party and head of the Government P. Karavelov towards major European cabinets, Bulgarians strive for sovereignty and national unity found international encouragement. The role of the people of Bulgaria and their fight against militarist Serbia under King Milan Obrenovich, the success of creating a big, powerful and independent state, rich in resources and recognized by the Great states and Turkey are among the key problems the article examines in detail.

Keywords: *Unification of Bulgaria, policy of Sofias Cabinet of ministers under P. Karavelov, position of the Russian monarchy, international recognition of the unification of Bulgaria, Plovdiv coup, Serb-Bulgarian war, the act of Topkhaney.*

На Берлинском конгрессе 1878 года, который подвел итог восточного кризиса, территория Болгарии была разделена на Северную (вассальное от турецкого султана Болгарское княжество) и Южную (Восточная Румелия, которая, обретя административную автономию, возвращалась Османской империи). Это произошло благодаря требованиям западноевропейских держав, в первую очередь, Англии и Австро-Венгрии, усматривавших в сильном и независимом болгарском государстве прямую угрозу своим интересам на Балканском полуострове. Россия же на протяжении всего восточного кризиса 1875–1878 годов пыталась отстаивать суверенитет и единство болгарского народа.

Решения Берлинского конгресса вызвали взрыв возмущения в Болгарии, который в дальнейшем вылился в общенародное движение за консолидацию болгарской нации. Созданный в Пловдиве, столице Восточной Румелии, Тайный комитет установил контакт с политическими деятелями Болгарского княжества и князем Александром Баттенбергом.

С помощью народных чет и восточно-румелийских военных подразделений Тайный комитет осуществил 18 сентября 1885 года бескровный переворот в Пловдиве. Турецкие власти были изгнаны, а созданное Временное правительство провозгласило соединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством под скипетром Баттенберга. Вместе с премьер-министром П. Каравеловым он прибыл в Пловдив, принял управление Восточной Румелией и обратился к державам с просьбой признать объединение Болгарии.

Пловдивские события, подрывавшие положения Берлинского конгресса, вызвали резко негативную реакцию Турции и балканских государств, привели к обострению противоречий между великими державами и, в конечном итоге, — продолжительному международному кризису [1, с. 377-478]. В истории же объединенной Болгарии начался новый этап ее государственного развития.

Задачами данной статьи является освещение политики болгарского правительства во время кризиса 1885–1886 гг., анализу мер, предпринятых

в Софии и направленных на нейтрализацию негативной реакции и действий отдельных европейских кабинетов и Турции, которые были вызваны пловдивскими событиями. Вместе с тем представляется важным рассмотреть позицию России на провозглашенное болгарскими объединение и во время последовавшего за этим международного кризиса. Отметим, что при решении в работе задач были привлечены материалы из архивохранилищ Российской Федерации и Республики Болгарии, которые позволяют по-новому осветить целый ряд вопросов и оценить уже нашедших свое освещение в трудах как иностранных, так и отечественных историков.

В то время как великие державы и Турция вырабатывали свои позиции в отношении переворота 18 сентября, а Сербия и Греция требовали территориальных компенсаций, угрожая военными действиями против Болгарии, само политическое руководство Софии концентрировало усилия для обеспечения национального единства и независимости. Болгарское правительство развернуло необычайно энергичную дипломатическую деятельность в целях международного признания объединения. Первая нота Софии, составленная Министерским советом и подписанная князем, была отправлена 21 сентября в Стамбул послан державучастниц Берлинского конгресса. Мольба о помощи и угроза были умело сбалансированы в тексте этого обращения. В нем заявлялось, что соединение совершено без враждебного Порте намерения, сузеренитет которой признается, и содержалась просьба к державам признать новое положение вещей и выступить посредником перед султаном для санкциониро-

вания им соединения. В противном же случае, говорилось в ноте, «произойдет кровопролитие», поскольку болгарский народ «решил своей жизнью защищать совершенное дело». 25 сентября болгарское правительство попросило о заступничестве перед Турцией, гарантируя со своей стороны обеспечить спокойствие и порядок во всей стране [2, с. 5, 8].

Надо отметить, что деятельность софийского кабинета П. Каравелова проходила в напряженной внутриполитической ситуации при крайне сложном внешнеполитическом положении страны. Всеобщая мобилизация и реквизиции, проводившиеся болгарским правительством в связи с провозглашением объединения, упадок производительных сил и нарушение торговых связей в результате военного нападения Сербии на Болгарию, последовавшего 14 ноября 1885 года, привели в расстройство экономику страны. Существенным образом на сложившуюся обстановку влиял и тот факт, что в момент, когда решался вопрос о будущем болгарского народа, правящую Либеральную партию раздирали внутренние противоречия. Они особенно ярко проявлялись, когда речь заходила о характере русско-болгарских межправительственных отношений и позиции России по болгарскому объединению.

В Болгарии было хорошо известно, что царское правительство не только во время минувшего восточного кризиса, но и после 1878 года, держало курс на объединение северной и южной частей Болгарии. Александр II даровал Болгарскому княжеству одну из самых либеральных в Европе конституций, русские специалисты создали административный аппарат и

земское войско княжества. В Восточной Румелии русская администрация добивалась укрепления ее автономии, что также подготавливало почву для будущего объединения.

Однако к 1885 году правительство Александра III оказалось враждебно настроенным к софийскому кабинету Каравелова, считая его «революционером», а действующую в стране конституцию «источником всяческих смут и беспорядков». В Петербурге главную вину за охлаждение русско-болгарских отношений возлагали на князя Александра Баттенберга, которого Александр III называл своим «личным врагом», считая, что тот плетет интриги в Вене и Лондоне против влияния России в Болгарии. В результате взаимных подозрений и ряда конфликтных ситуаций отношения между русским генеральным консульством в Софии, с одной стороны, и князем Александром и Каравеловым — с другой, обострились до крайности. Поддержка объединения в таких условиях могла бы привести, как полагали в Зимнем дворце, к превращению Болгарии во враждебную России силу на Балканах. Поэтому российский самодержец осудил и сам пловдивский переворот, и поведение князя. Софийскому кабинету дали ясно понять, что императорское правительство никогда не признает единую Болгарию во главе с Баттенбергом.

Западноевропейским державам петербургский кабинет предложил собраться на международную конференцию в Стамбуле с целью восстановить статус-кво в Болгарии и устранить от власти Баттенберга как нарушителя Берлинского договора 1878 года. В Зимнем дворце полагали, что это заставит болгар отвернуться и от князя, и

от его премьер-министра и обратиться к России, которая создаст новое болгарское правительство, поставит на болгарский престол своего ставленника и вслед за этим признает объединение.

Такая линия поведения «старшего славянского брата» не находила понимания в болгарских политических и интеллектуальных кругах, где все заметнее проявлялась прозападная ориентация, а главная ставка Каравелова на помощь России подвергалась критике.

Уже вскоре после пловдивского переворота в оппозицию к кабинету Каравелова встали организаторы восточнорумелийского Тайного комитета во главе с известным общественным деятелем и публицистом З. Стояновым, к которым примкнул глава правительства Восточной Румелии Г. Странский. Они заявляли о своей полной поддержке князя Александра и противопоставляли дружбе с Россией идею сближения с Турцией. Эта группировка развернула широкую кампанию против своих политических противников и преследовала всех, кто придерживался русофильских взглядов [3, л. 230-224]. Произошел раскол и в самом софийском кабинете. В Либеральной партии сложилось радикальное крыло во главе с министром юстиции В. Радославовым, к которому присоединилась группировка Стоянова. Радикалы обвиняли Каравелова в умеренном курсе, уступчивости великим державам, чрезмерном властолюбии и нежелании считаться с другими лидерами партии. Резко осуждая болгарскую политику царского правительства, они отстаивали князя Александра как символ независимости страны. Вокруг Радославова, твердо придерживавшегося австро-герман-

ской ориентации, сплачивались наиболее предприимчивые и алчные элементы болгарской буржуазии, желавшие получить полную свободу действий для своего обогащения и сотрудничества с западноевропейским капиталом [4, л. 147, 151, 162].

Основную оппозицию болгарскому правительству составляла довольно многочисленная группа умеренных либералов во главе с Д. Цанковым и его соратниками М. Балабановым и Т. Бурновым. Бывший товарищ и единомышленник Каравелова Цанков, искусственный в политической борьбе, не раз менявший убеждения за свою долгую карьеру, во время международного кризиса выступал ярким русофилом. Он ратовал за нормализацию отношений с Россией и, используя недовольство царского правительства пловдивским переворотом, а позже разочарование широких масс населения соглашением с Турцией 1 февраля 1886 года, обвинял премьер-министра в ухудшении русско-болгарских отношений и незавершенности объединения. Зная отрицательное отношение Петербурга к софийским властям, цанковисты требовали создания нового правительства и избрания другого князя, но считали, что инициативу в этом вопросе должна проявить Россия. Поддерживая тесные связи с русскими дипломатическими представителями в Софии, Цанков не раз заявлял им, что в Болгарии нужно ввести временное русское управление [5, л. 1-6].

В рядах оппозиции правительству оказались также члены Консервативной партии, которые вместе с цанковистами выступали за необходимость сближения с Россией, но, в отличие от последних, были готовы поддержать князя Александра, если он помирится

с царем. Сложность положения главы правительства Каравелова усугублялась еще и тем, что князь Александр, вынужденный считаться с огромной популярностью премьер-министра, внешне проявляя свое дружеское расположение, при этом тайно интриговал против него. Князь оказывал большую материальную помощь газете радикального крыла Либеральной партии «Независимость», которая нападала на кабинет Каравелова и Россию [6, с. 14-15].

Премьер-министр, он же глава Либеральной партии, отражавшей интересы широких слоев болгарского народа, вынужден был лавировать между партийными течениями для проведения своего курса, направленного на укрепление независимости Болгарии. На базе либерально-буржуазной платформы Каравелов последовательно боролся за сохранение и развитие демократических преобразований, но радикалом и революционером, каким он представлялся правительственным кругам России, Каравелов не был. Он высоко ценил узы дружбы, связывавшие болгарский и русский народы, и помощь России в освобождении Болгарии от османского ига. Но, будучи горячим патриотом, Каравелов остро реагировал на вмешательство европейских держав, в том числе и самодержавной России, в дела своей родины.

Переворот в Пловдиве произошел без ведома Каравелова и других членов правительства. Хорошо понимая необходимость объединения обеих частей Болгарии, Каравелов считал момент для этой акции неблагоприятным. Но после свершившегося факта в обстановке общенародного подъема он стремился сделать все необходи-

мое для решения общенационального дела. Желая скорейшей нормализации внутривосточной ситуации, правительство объединяло одну за другой административные и государственные службы Княжества и Восточной Румелии, спешило поставить их под свое непосредственное руководство. При этом Каравелов действовал тактично по отношению к прежней румелийской администрации. Вместе с тем, в Софии, осознавая, что главной задачей являлось международное признание объединения, настойчиво добивались от европейских держав понимания своих национальных устремлений.

Естественно, что взоры болгар были направлены в первую очередь на Россию. Сразу же после пловдивского переворота Александру III была послана телеграмма за подписью председателя Временного правительства восточной Румелии Г. Странско-го, в которой тот от имени народа Южной Болгарии просил царя взять под защиту объединение [7, л. 182]. С той же целью члены софийского кабинета часто посещали русского генерального консула А.И. Кояндера, убеждая его, что объединение не направлено против России. Народное собрание, сессия которого открылась 23 сентября 1885 года, обратилось к царю с просьбой взять под свое покровительство дело объединения, а также просило оставить русских офицеров для продолжения службы в Болгарии (Александр III отозвал русских военных, так как не желал их участия в международной борьбе в Болгарии, которая, по его мнению, была неизбежна). Из Петербурга пришел ответ о неодобрении пловдивского переворота; отказавшись оставить русских офицеров в

Болгарии, царь разрешил отсрочить отзыв лишь военным врачам и флотским служащим [8, с. 168, 172-173].

По инициативе Каравелова к Александру III в Копенгаген, где в то время царь гостил у родителей своей супруги, была направлена делегация во главе с митрополитом Климентом. На состоявшейся 3 октября 1885 года аудиенции Александр III заверил болгарских делегатов, что чувства России к болгарскому народу не изменились, идея объединения понятна — его желала и Россия, и теперь речь о разъединении идти не может вовсе. Болгарам было обещано покровительство России и обеспечение их интересов. При этом царь сказал, что императорский кабинет не одобряет средств, с помощью которых было осуществлено объединение, поставившее Болгарию и Россию в тяжелое международное положение, и дважды прямо заявил: пока в Болгарии настоящее правительство, оно не может рассчитывать ни на какую поддержку со стороны России [8, с. 181-184].

Князь Александр со своей стороны, едва получив известие о пловдивских событиях, телеграфировал Александру III, умоляя его поддержать объединение. В последующие дни подобного рода телеграммы он посылал царю еще четыре раза. Все они остались без ответа [9, л. 1, 3-6]. На телеграмму князя российскому министру иностранных дел Н.К. Гирсу от 30 сентября, где он отрицал свою осведомленность о подготовке пловдивского переворота и свое участие в нем, министр отвечал лаконично и холодно [10, л. 44].

В Софии должны были сделать вывод, что все попытки получить поддержку Петербурга ни к чему не при-

ведут. Реакция петербургского кабинета на объединение была в Болгарии во многом не ожидаема. Правительство Каравелова, чтобы не уронить своего престижа, старалось скрыть истинную позицию России. Так, не был опубликован ответ царя на обращение Народного собрания, а из ответа Александра III болгарской делегации в Копенгагене в печати появилась только фраза о неизменном сочувствии России к болгарскому народу и объединению. В стране усиленно распространялась версия о том, что царское правительство поддерживает объединение, а противоположные этому высказывания и действия русских дипломатов и военных в Болгарии представляют собой лишь хитрый дипломатический ход Петербурга. В то же время среди части болгарской интеллигенции, благодаря публичным выступлениям князя Александра и отдельных правительственных чиновников, утвердилось мнение, что неодобрение царским правительством пловдивского переворота приведет к признанию оною Европой [8, с. 188-190]. Все это не могло не влиять на напряжение обстановки в стране.

На кого, кроме России, могла опереться Болгария? На Австро-Венгрию, Германию, Италию, высказавшиеся отрицательно относительно объединения, надеяться было трудно. Оставались Англия и Франция.

21 сентября 1885 года князь Александр направил британскому премьер-министру Р. Солсбери телеграмму с просьбой признать объединение. Вслед за этим в Лондон приехал специально уполномоченный болгарским правительством, хорошо известный в Европе государственный деятель и банкир И.Е. Гешов,

имевший тесные связи с английскими политическими деятелями.

После окончания Берлинского конгресса в среде британской политической и дипломатической элиты укрепилась идея, что Болгария может и должна быть превращена в аванпост Англии в Юго-Восточной Европе. Постепенно выкристаллизовалась и линия на использование болгарского объединительного движения против своего главного соперника на Ближнем Востоке — России, на подрыв ее влияния среди славянских народов Балканского полуострова, на раскол австро-русско-германского альянса — Союза трех императоров 1881 года. Убедившись в непричастности царского правительства к событиям 18 сентября в Восточной Румелии и осуждении им пловдивского переворота, британская дипломатия с присущей ей гибкостью поспешила упрочить положение князя Александра Баттенберга и предстать перед болгарами защитником их национального дела.

Гешов был принят руководителями внешней политики Англии Р. Солсбери, помощником министра иностранных дел Ю. Пансефортом, заведующим восточным отделом Форин-офиса Ф. Керри. В своих донесениях болгарский уполномоченный писал, что сент-джеймский кабинет считает невозможным теперь восстановить статус-кво в Болгарии, осуждает воинственные настроения Сербии с ее требованиями территориальных компенсаций и сделает все от нее зависящее для предотвращения угрозы сербо-болгарской войны. Болгарам было рекомендовано, как единственное средство решения болгарского вопроса, начать переговоры с Турцией с целью достижения персональной унии:

Баттенберг, оставаясь правителем Болгарского княжества, назначался турецким султаном генерал-губернатором Восточной Румелии. Подобная схема объединения формально не нарушала условия Берлинского договора. Гешов также вступил в контакт с лидерами оппозиционной Либеральной партии, встречался с видными общественными деятелями и журналистами; он отмечал благожелательность и симпатию британских правящих кругов и общественности и надеялся на реальную поддержку кабинета Солсбери.

Из Лондона болгарский делегат отправился в Париж, где получил частную аудиенцию у Ш. Фрейсине. Глава французского МИД также говорил о своих симпатиях к Болгарии, но посоветовал выполнить решения международной конференции, которая в то время открылась в Стамбуле. Визит во Францию разочаровал и обеспокоил Гешова [11, с. 148-167].

Помимо стремлений добиться европейского признания объединения, болгарская дипломатия должна была предотвратить военные выступления Турции (Порта обсуждала возможность направления войск в Восточную Румелию для восстановления там статус-кво), а также Сербии.

В начале октября 1885 года князь Александр в целях нормализации отношений между Болгарией и Сербией решил войти в прямые переговоры с сербским королем Миланом Обреновичем, направив для этого в Белград видного политического деятеля К. Стоилова. Он должен был передать сербскому монарху княжеское письмо с предложением соглашения «о сферах влияний наших народов, об их географических грани-

цах, внутри которых нужно ограничить наши действия и претензии». В письме подчеркивалось согласие правительства с изложенным предложением. При этом Баттенберг подготовил и второе личное письмо Обреновичу (очевидно, втайне от членов Министерского совета), заключавшее в себе план совместного нападения на Турцию.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что кабинет Каравелова, не одобрявшего в целом княжеский замысел, не принял бы этот авантюристический шаг, который при явно сомнительном успехе, в случае придания его огласке сербской стороной, мог бы навлечь гнев Порты и европейских кабинетов. Но так как намерение Баттенберга решить проблему объединения путем двусторонних сербо-болгарских переговоров уже было разглашено и нашло поддержку в Англии, был выбран новый посланник в Белград Д. Греков, ближайший сторонник Стоилова по Консервативной партии. Новое письмо князя содержало общие уверения в желании укреплять узы дружбы и братства между двумя народами. Однако эта миссия была отклонена Миланом, и военные приготовления Сербии продолжились усиленными темпами [12, с. 186-189].

В ином ключе развивались отношения Болгарии и Турции. 21 сентября 1885 года князь Александр направил телеграмму султану Абдул Хамиду II, заверяя его, что объединение двух частей Болгарии произошло без враждебных намерений по отношению к Порте, просил признать объединение под османским сюзеренитетом. Аналогичная телеграмма была направлена болгарским министром

иностранных дел И. Цановым в турецкий МИД. Подтвердить это должны были два восточнорумелийских представителя (С. Чомаков и И. Петров), направленные в Стамбул главой временного правительства Восточной Румелии Г. Странским, видимо, с ведома Баттенберга [2, с. 4, 9-10].

Каравелов же в это время принимал меры, чтобы не допустить вооруженного сопротивления болгар турецким войскам, занявшим после провозглашения объединения Кырджалийскую околию, населенную исключительно турками, и «непокорные села» в Родопских горах, где проживали болгары-мусульмане (помаки). Последние, войдя в состав Восточной Румелии, не подчинялись ее администрации, а поддерживали связи с эмиссарами Порты. Если бы княжеское правительство направило туда войска, неизбежно начался бы военный конфликт, дававший Порте повод оккупировать Восточную Румелию. В создавшейся ситуации в Софии решили уступить эти территории Турции, желая избежать каких-либо столкновений на границах и стремясь не вызвать недовольство и протесты турецкого меньшинства.

Для установления личных контактов по совету Лондона 6 октября князь Александр направил с письмами к султану и великому визирю К. Стоилова и одного из вождей Либеральной партии К. Калчова. Письма эти были приняты, и между князем и Портой установились прямые связи. Под давлением английских дипломатов Абдул Хамид II стал склоняться к тому, чтобы признать Баттенберга генерал-губернатором Восточной Румелии [13, л. 345-346]. Но осенью 1885 года никакого согла-

шения с Портой болгарское правительство достигнуть еще не могло, ибо султан ждал решения великих держав и не оставлял мысли добиться прежнего положения в Восточной Румелии. Однако названные миссии подготовили почву для дальнейших переговоров о выработке соглашения между Болгарией и Турцией.

Хотя вопрос о судьбе болгарского народа решался «концертом» держав — Россией, Англией, Германией, Австро-Венгрией, Францией и Италией, — и сама Болгария была отстранена от участия в переговорах, кабинет Каравелова уже в октябре 1885 года достиг определенных успехов. Он ознакомил Европу с положением дел внутри страны и со своим твердым намерением защищать провозглашенное соединение. Проявляя исключительный такт и дипломатичность, неизменно подчеркивая свое уважение к мнению европейских кабинетов, правительственные круги княжества стремились воспользоваться вспыхнувшими противоречиями держав вокруг болгарской проблемы. Эту тактику болгарская дипломатия с успехом применяла и в дальнейшем. К моменту открытия международной конференции в турецкой столице — 5 ноября, — которая должна была решить вопрос о болгарском объединении, в Софии успели заручиться поддержкой англичан и установить первые контакты с Портой.

25 ноября, уступая требованиям России, все участники Стамбульской конференции, кроме представителя Англии, подписали резолюцию, которая предусматривала: послать в Восточную Румелию турецкого комиссара в качестве временного представителя, пока там не будет восстано-

но положение, существовавшее до 18 сентября; после реставрации власти султана в Восточной Румелии Порта назначит туда генерал-губернатора.

Однако выполнить это решение оказалось невозможным. Обстановка на Балканах резко изменилась. Стамбульская конференция еще не закончила свою работу, как Сербия, опираясь на деятельную помощь своей союзницы Австро-Венгрии, начала 14 ноября военные действия против Болгарии. Вопреки предположениям европейских кабинетов, в сербо-болгарской войне успех сопутствовал болгарским войскам. Сербская армия была быстро изгнана с болгарской территории, а болгарские части с князем Александром во главе заняли сербский город Пирот. Вероятность разгрома Сербии и падения своего ставленника — короля Милана породили настоящую панику в Вене. Угрожая вступлением в войну на стороне Сербии, Австро-Венгрия заставила болгар прекратить наступление. Инициативу решительно содействовать прекращению войны взяла на себя Россия. 5 марта 1886 года Сербия и Болгария подписали мирный договор, восставивший довоенное положение.

Одержанная болгарским народом победа в борьбе за защиту независимости и целостности своей страны, превращение князя Александра в глазах болгар чуть ли не в национального героя оказали серьезное влияние на позицию западноевропейских держав. Там открыто и настойчиво заговорили о необходимости признать объединение в форме личной договоренности Болгарии со своим сюзереном Турцией. Невозможность в новых условиях требовать

возвращения статус-кво в Болгарии и отречения ненавистного Баттенберга понимали и в Петербурге.

С конца декабря 1885 года и в течение всего января 1886 года между Софией и султанским дворцом велись переговоры о заключении двустороннего договора. В результате был разработан проект соглашения, для уточнения и подписания которого в Стамбул был направлен министр иностранных дел И. Цанов. 1 февраля Цанов и великий визирь подписали соглашение, которое было представлено Портой на утверждение великих держав. Договор, максимально приближенный к пунктам Берлинского трактата, предусматривал следующее: управление Восточной Румелией, которая оставалась составной частью Османской империи, передавалась князю Александру сроком на пять лет, по истечении которого он должен был снова (и так каждые 5 лет) утверждаться в должности генерал-губернатора султанским ферманом; мусульманские села Кырджалийской околии и в Родопских горах отходили к балканским владениям Турции; болгарский князь и султан заключали военный союз на случай нападения на одну из сторон; Болгарское княжество продолжало платить Турции за Восточную Румелию ежегодную дань; Порта и князь назначали комиссию, которая должна была в течение четырех месяцев пересмотреть законодательство Восточной Румелии с учетом желаний и нужд румелиотов [14, с. 9-15].

Выработанное соглашение вполне устраивало западные державы. Россия, не выступая против самого соглашения, потребовала исключить статью о болгаро-турецком военном сою-

зе, внести положение об обязательном утверждении великими державами болгарского князя генерал-губернатором Восточной Румелии (без упоминания имени Баттенберга, что было крайне унижительно для него), а также добавить положение об одобрении Европой пересмотренного законодательства Восточной Румелии. Русские предложения, особенно о ликвидации статьи о военном союзе, исходили из интересов не только России, но и Болгарии, так как были направлены на укрепление ее суверенитета. Это хорошо понимали в Софии. «Предлагаемые Россией изменения в нашу пользу» — писал Каравелов Цанову [там же, с. 18]. Но русские предложения вызвали яростное возмущение Баттенберга. Венский и английский кабинеты и сама Порта совместно настаивали на упоминании имени болгарского князя в соглашении. Однако видя решительность царского правительства в отстаивании своих требований, с одной стороны, и достигнувшего главного — принятия персональной унии, с другой, западные державы согласились с условиями России.

5 апреля 1886 года в летней резиденции султана Топхане послы шести великих держав и министр иностранных дел Турции подписали акт, представлявший собой измененный согласно требованиям России болгаро-турецкий договор. Топханейский акт означал международное признание объединения двух частей Болгарии.

В заключение следует отметить, что болгарское правительство во главе с П. Каравеловым в ходе международного кризиса 1885–1886 гг., проявляя исключительный такт и дипломатичность, неизменно подчеркивая свое уважение к мнению европейских

кабинетов, умело пользовались противоречиями держав вокруг болгарской проблемы. Софийский кабинет сумел защитить провозглашенное объединение страны, а Топханейский акт упрочил политическую независимость Болгарии. Что же касалось царского правительства, то его колеблющаяся и отчасти противоречивая позиция способствовала ослаблению позиции России в Болгарии и ухудшению межгосударственных русско-болгарских отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Золотухин, М.Ю.* Борьба держав на Балканах и Ближнем Востоке в середине 70-х – 80-х гг. XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук [Текст] / М.Ю. Золотухин. — М., 1995.
2. Кореспонденция по вопросу за Съединението. Сборник на документи [Текст]. — София, 1886.
3. Донесения М.А. Игельстрома А.И. Нелидову 21 и 25 сентября 1885 г. [Текст] // Архив внешней политики Российской империи. — Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). — 1886. — Д. 100.
4. Телеграммы П.М. Богданова А.Г. Влангали 28 сентября, 3 и 10 октября 1885 г. [Текст] // Архив внешней политики Российской империи. — Ф. 151 (Политический архив). — Оп. 482. — Д. 1285.
5. Письмо Д. Цанкова П.М. Богданову 15 февраля 1886 г. [Текст] // Болгарски исторически архив при Народна библиотека Кирил и Методий. — Кол. № 28. — Д. А П 9776.
6. *Грънчаров, С.* Политическите сили и монархическият институт в България 1886–1894 [Текст] / С. Грънчаров. — София, 1984.
7. *Телеграмма Г. Странского* в российский МИД 18 сентября 1885 г. [Текст] // Болгарски исторически архив при Народна библиотека Кирил и Методий. — Ф. 14 (Г. Начевич). — Оп. 4. — Д. 3390.
8. *Стателова, Е.* Дипломатията на Княжество България 1879–1886 [Текст] / Е. Стателова. — София, 1979.

9. Телеграммы Александра Баттенберга Александру III 18, 22, 23, 24 и 26 сентября 1885 г. [Текст] // Български исторически архив при Народна библиотека Кирил и Методий. — Ф. 43 (П.Р. Славейков). — Д. IIB 5298.
10. Телеграмма Александра Баттенберга Н.К. Гирсу [Текст] // Архив внешней политики Российской империи. — Ф. 151 (Политический архив). — Оп. 482. — Д. 2165.
11. *Иван Евстатиев Гешов*. Спомени и студии [Текст]. — София, 1928.
12. *Митев, Й.* Съединението 1885 [Текст] / Й. Митев. — Пловдив, 1985.
13. *Донесение А.И.* Нелидова Н.К. Гирсу 14 октября 1885 г. [Текст] // Архив внешней политики Российской империи. — Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). — 1885. — Д. 22.
14. *Цанов, И.* Из бележки ми по Съединението [Текст] / И. Цанов // Български архив. — София. — 1899. — Кн. VIII.
4. Grncharov S., *Politicheskite sili i monarhicheskiyat institut v Blgariya 1886–1894*, Sofiya, 1984.
5. *Ivan Evstatiev Geshov. Spomeni i studii*, Sofiya, 1928.
6. *Korespondenciya po vprosa za Sedinenieto. Sbornik na dokumenti*, Sofiya, 1886.
7. Mitev J., *Sedinenieto 1885*, Plovdiv, 1985.
8. “Pismo D.Cankova P.M. Bogdanovu 15 fevralya 1886 goda”, in: *Blgarski istoricheski arhiv pri Narodna biblioteka Kiril i Metodij*, Kol. No. 28, Delo A II 9776.
9. Stelova E., *Diplomaciyata na Knyazhestvo Bgariya 1879–1886*, Sofiya, 1979.
10. “Telegramma Aleksandra Battenberga N.K. Girsu”, in: *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii*, Fund 151 (Politicheskij arhiv), Opis 482, Delo 2165.
11. “Telegramma G. Stranskogo v rossijskij MID 18 sentyabrya 1885 goda”, in: *Blgarski istoricheski arhiv pri Narodna biblioteka Kiril i Metodij*, Fund 14 (G. Nachevich), Opis 4, Delo 3390. (in Russian)
12. “Telegrammy Aleksandra Battenberga Aleksandru III 18, 22, 23, 24 i 26 sentyabrya 1885 goda”, in: *Blgarski istoricheski arhiv pri Narodna biblioteka Kiril i Metodij*, Fund 43 (P.R. Slavejkov), Delo IIB 5298.
13. “Telegrammy P.M. Bogdanova A.G. Vlangali 28 sentyabrya, 3 i 10 oktyabrya 1885 goda”, in: *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii*, Fund 151 (Politicheskij arhiv), Opis 482, Delo 1285. (in Russian)
14. Zolotuhin M.Yu., *Borba derzhav na Balkanah i Blizhnem Vostoke v seredine 70-h — 80-h gg. XIX veka*, PhD dissertation (History), Moscow, 1995. (in Russian)

REFERENCES

1. Canov I., “Iz belezhki mi po Sedinenieto”, in: *Blgarski arhiv*, Sofiya, 1899, Kniga VIII.
2. Donesenie A.I., “Nelidova N.K. Girsu 14 oktyabrya 1885 goda”, in: *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii*, Fund 133 (Kancelyariya ministra inostrannyh del), 1885, Delo 22. (in Russian)
3. Doneseniya M.A., “Igelstroma A.I. Nelidovu 21 i 25 sentyabrya 1885 goda”, in: *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii*, Fund 133 (Kancelyariya ministra inostrannyh del), 1886, Delo 100. (in Russian)

Золотухин Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, zolotukhin.mikhail56@gmail.com

Zolotukhin M.Yu., ScD in History, Professor, Modern and Contemporary History Department, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, zolotukhin.mikhail56@gmail.com